

Кундакбаева Ж.Б.,
Бейсегулова А.К.

**Советский проект
эмансипации женщины
как разрушение традиционного
гендерного порядка
в казахском обществе
1920-1930 гг.**

Kundakbayeva Zh.B.,
Beisegulova A.K.

**The Soviet project of women
emancipation as destruction of
the Kazakh Society traditional
gender order, 1920-1930**

Құндақбаева Ж.Б.,
Бейсегулова А.К.

**1920-1930 жж. Кеңестік
жобадағы әйел теңдігі, қазақ
қоғамындағы дәстүрлі
гендерлік тәртіптің жойылуы**

В статье утверждается, что советский проект эмансипации женщины был системным вмешательством в традиционный гендерный порядок казахского общества. В его основе лежало стремление большевиков переопределить традиционные роли, которые играла казахская женщина, и таким образом, установить государственный контроль над ней. Для реализации этой задачи большевики вводят новые законы, регулирующие семейно-брачные отношения в казахском обществе, вовлекают женщину в общественное производство, вводят новые практики материнства, где прерогативу воспитания детей берут на себя общественные учреждения – ясли. В статье сделан вывод, что формирование новой женской идентичности было частью цельной советской политики социального моделирования.

Ключевые слова: конструирование советской женщины, слом традиционных форм семейно-брачных отношений, работающие матери, политизация материнства, новые практики гигиены и чистоты.

This paper asserts that the Soviet women emancipation project was system interference into the Kazakh society traditional gender order. Its target was the Bolshevik's intention redefines the Kazakh women roles traditionally played and at the end to establish the State control over her. For the implementation of this target Bolsheviks have enacted laws regulating the Kazakhs family-marriage system; involved women in public production, put into new motherhood practices. It was concluded that formation of women new identity was a part of holistic social constructing soviet policy.

Key words: construction of soviet women, destruction of traditional forms of family-marriage relations, working mothers, the motherhood politization, new hygiene and cleanness practices.

Мақалада Кеңестік жобадағы әйел теңсіздігі, қазақ қоғамындағы дәстүрлі гендерлік тәртіптің жойылуының жүйелі болғандығы жөнінде баяндалады. Бұл қазақ әйелінің дәстүрлі рөлін айқындау үшін және оған мемлекеттік бақылауды күшейту үшін большевиктердің ұмтылысы негізінде құрылған. Бұл мақсатты жүзеге асыру үшін большевиктер қазақ қоғамындағы отбасылық қатынастар, некеге, қоғамдық өндіріске әйелдерді тартуға, баланы қоғамдық балабақшада тәрбиелеуде, ана мен балаға байланысты заңдар шығарған. Сонымен қатар, мақалада әйелдерді жаңа тұлға ретінде қалыптастыру кеңестік саясаттың әлеуметтік үлгісі ретінде қалыптасқанын кеңінен баяндалады.

Түйін сөздер: Кеңестік кезеңнің әйел бейнесі құрылуы, дәстүрлі отбасылық қарым-қатынастардың бұзылуы, еңбектегі аналар, әйелдерді саясатқа бұру, денсаулық пен тазалықтың жаңа бағыттары.

**СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ
ЭМАНСИПАЦИИ
ЖЕНЩИНЫ
КАК РАЗРУШЕНИЕ
ТРАДИЦИОННОГО
ГЕНДЕРНОГО
ПОРЯДКА
В КАЗАХСКОМ
ОБЩЕСТВЕ
1920-1930 ГГ.**

Сразу же после революции большевики приступили к реализации проекта «создание нового советского человека». Важной частью данного проекта было конструирование новой советской женщины. Новую женскую идентичность строили в том виде, как ее понимали партийные и государственные деятели. В основе социального конструкта «обычная советская женщина» лежали радикальные марксистские и традиционные российские ценности [1].

Большевики объявили о равенстве женщин в общественно-политической и социально-экономической жизни. Женское освобождение должно было начаться с семьи. До середины 1920-х г. образ новой женщины строился на отрицании семейных ролей. Семья рассматривалась как помеха в работе. Считалось, что женщина окунается в домашние заботы, начинает плохо работать и отвлекается от общественной жизни. Женщина представлялась только в роли общественницы, работницы и коммунистки. Динамичный образ рисовал женщину, включенную в захватывающий производственный процесс и вносящую ежедневную лепту в коммунистическое строительство. Во второй половине 1930-х гг. происходит смена дискурса. Семья и брак начинают занимать важное место в иерархии и среди ценностей. Поэтому в новом образе женщины совмещаются общественно-политический и семейно-бытовой статусы, перестают критиковаться роли матери, жены, хозяйки дома [2].

В соответствии с данным проектом началась трансформация семейных отношений и изменение социального статуса женщин в Казахстане. К этому времени проблемы семьи, брака, а также социальный статус женщины регулировались в основном нормами обычного права. Большевики объявили старые традиции вредными и запретили их на государственном уровне. Так, в декрете от 28 декабря 1920 года, принятом в г. Оренбург, об отмене калыма у киргиз было отмечено, что, «приступая к строительству Киргизской советской социалистической республики на новых началах, Киргизский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров считают необходимым самым решительным образом бороться с вредными пережитками казахского быта. К числу таких пережитков относятся калым, унижающий честь и достоинство киргизской женщины,

и превращающий ее в рабыню. Калым способствует закреплению власти богатеев, ставя вопрос о браке в зависимость от материальных» [ЦГОР. Ф.1235.Оп.63.Д.451.1919-1920.Л.133]. Киргизский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановили:

Калым – выкуп за невесту, вносимый по обычаям киргизского народа женихом, его родичами и свойственниками родителям, родичам и свойственникам невесты – деньгами, а равно и всяким другим имуществом, в силу особого соглашения сторон, устанавливающего обязательство выдать невесту за этого жениха ОТМЕНИТЬ, признать недействительными сделки, договоры и соглашения о калыме¹. В декрете были определены меры наказания за нарушения данного декрета – конфискация калымного скота и прочего калымного имущества в двойном размере у лиц, его получивших, и лишение свободы для обеих сторон не свыше одного года [ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919-1920. Л. 133].

Согласно декрету в Казахстане теперь легитимным считался «только гражданский советский брак, установленным порядком зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния». При этом отмечалось, что совершение религиозного обряда при вступлении в брак предоставляется на волю брачующихся, но подчеркивалось, что предварительно самый брак должен быть зарегистрирован в отделе записей актов гражданского [ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919-1920. Л. 129.]. Одновременно декрет регулировал новый порядок развода – легитимным признавалось только расторжение брака, зафиксированное в отделе записей ЗАГС. [ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919-1920. Л. 132.].

Весьма важной частью декрета о брачном, семейном и опекуном праве у киргизов был пункт о том, что в брак могут вступать лица, свободные от всяких других брачных союзов, то есть не состоящие в другом зарегистрированном

¹ Так, в проекте Декрета об отмене калыма у казахов (ЦГОР. Ф.1235.Оп.63.Д.451.1919-1920.Л.132) было указано, что «калым есть выкуп или цена за невесту, вносимый по обычаям киргизского народа женихом, его родичами и свойственниками родителям, родичам и свойственникам невесты – деньгами, а равно и всяким другим имуществом, в силу особого соглашения сторон, устанавливающего обязательство выдать невесту за этого жениха». В проекте Декрета было указано, что «с обнаружением настоящего декрета уплата калыма, как безнравственная по своей побудительной цели и как один из факторов многоженства, запрещается». (*Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР)*).

или не имеющем силу зарегистрированного брака. В данном декрете многоженство было запрещено, «как обычай, глубоко унижительный для нравственного и человеческого достоинства киргизской женщины и создающий порабощения и эксплуатацию ее личности» [ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919-1920. Л. 132.]. Кроме того, большевики запретили браки несовершеннолетних, установив брачный возраст: для девушек – 16 лет, для юношей – не менее 18 лет [ЦГОР. Ф. 1235. Оп. 63. Д. 451. 1919-1920. Л. 129.].

Большевики сочли нужным вмешиваться также в условия заключения брака. Так, в пункте 7 было отмечено, что не могут вступать в брак лица, состоящие в родстве – по прямой-восходящей линиям без ограничения степеней, а в боковых линиях – до четвертого колена включительно /немельтай/ без различия мужских и женских линий. При этом, в примечании было отмечено, что неполнородные братья и сестры (единокровные и единоутробные) приравниваются к полнородным [См.: Декрет (копия проекта о брачном, семейном и опекуном праве у киргизов // Архив Института истории партии при ЦК КП Казахстана. Ф. 811. Оп. 20. Д. 463].

Но советский проект эмансипации женщин был намного шире, чем просто предоставление равных прав женщинам и мужчинам. По сути, эмансипация женщин была только видимой частью проекта создания новой советской женщины. Советская власть хотела переопределить те роли, которая женщина играла в обществе. Так, женщина виделась как мать и как работающий член общества. То есть, вовлекая женщину в общественное производство, советская власть решала сразу две задачи. С одной стороны, прагматическую – обеспечить индустриализацию рабочей силой в лице женщин. С другой стороны, государство хотело вывести женщину из-под контроля семьи и мужа и подчинить женщину политическому контролю со стороны государства. Как показывает советская история, первая задача была успешно выполнена. Уже накануне Великой Отечественной войны тысячи женщин стали участвовать в общественном производстве и заниматься социально-политической деятельностью [3, с. 100]. Но выполнить вторую задачу было не просто. Как писала И. Тартаковская, «традиционно углубленные в частную жизнь и мир личных взаимоотношений, они были не столь проницаемы для идеологических манипуляций правящей элиты» [4]. Сначала пытались втянуть женщину в сферу политики через женотделы. Но как показала практика, это ока-

залось неэффективным средством. Тогда упор сделали на участие женщины в общественном производстве. Предполагалась, что работа сможет изменить сознание женщин и сделать их более доступными государственному контролю. Именно трудовые коллективы считались важнейшими агентами социализации и для мужчин, и для женщин, а работа – главным содержанием жизни [4].

Прежде всего, происходит массивная репрезентация новой свободной женщины на фоне задавленной бытом, несущей на себе неподъемный груз хозяйственной жизни и совершенно бесправной женщины дореволюционного периода. Через такие образы большевики старались поломать традиционные ценностные характеристики. Ведь у казахов критерием настоящей женщины было умение вести хозяйство и организовать быт семьи. Женщина пользовалась уважением в обществе только тогда, когда выполняла свое предназначение быть женой, матерью сыновей, хорошей хозяйкой. Материнство было, безусловно, абсолютной ценностью в культуре казахов. Казахи не признавали за женщиной никаких других ролей, кроме материнства. Ведь основной функцией женщины брачного возраста считалось деторождение и воспитание детей. Что касается распределения хозяйственных обязанностей, то в четком разделении мужских и женских обязанностей в кочевом хозяйстве казахов, действительно основной груз домашних забот ложился на плечи женщины. И в европейском понимании это выглядит как дискриминация женщин. Но в понимании самих казахских женщин – это нормальная практика. К тому же в сфере домашнего хозяйства полномочия женщины были практически не ограничены. Как при жизни, так и после смерти своих мужей женщины могли управлять целыми селениями и вести отдельное самостоятельное хозяйство. Замужняя женщина, не имея юридически зафиксированных прав собственности, нередко фактически являлась хозяином в семье. Такая женщина принимала активное участие в решении всех семейных дел, а на время отсутствия мужа во время длительных сезонных перекочевок была главой семьи. При решении некоторых вопросов, связанных с воспитанием детей и ведением хозяйства, мнение женщины имело преимущество перед мнением мужчин. Также необходимо отметить, что жены были обычно намного моложе своих мужей и часто становились полноправными хозяйками в семье еще при жизни престарелого мужа [3, с. 63]. К тому же многие дорево-

люционные авторы отмечали, что по сравнению с женщинами с нормативной исламской культурой казахские женщины обладали значительной свободой. В повседневной жизни они не закрывали лицо, не находились в затворничестве, узаконенном нормами шариата, и юридически не были лишены права общения с членами других семей без разрешения мужа. Эти положения были закреплены адатом [3, с. 90].

Другой областью традиционной культуры, куда вторглись большевики, были символика и обрядность брака и семьи. К этому времени все стороны жизни казахов, включая обрядовую сторону брака, регулировались адатом – обычным правом и шариатом. Обычной формой вступления в брак было официальное сватовство и свадьба, с выплатой калыма или путем умыкания невесты. К традиционным казахским обычаям, имеющим явное доисламское происхождение, относятся браки по праву левирата (эменгерлік) и сорората (балдыз алу). Ключевое значение в свадебном обряде казахов для казахов имели два момента: сватовство – обещание родителей, подтверждаемое молитвой-бата, а также уплата большей части калыма. Так или иначе, с принятием кочевниками ислама законность брака закреплялась совершением мусульманского ритуала соединения жениха и невесты (неке кию), хотя сам свадебный обряд на этом не заканчивался, а продолжался уже в доме родителей жениха, куда молодую перевозили через несколько дней после совершения неке кию. В этот период советская власть на уровне законодательного оформления запрещает такие традиционные институты брака у казахов, как калым, левиратный и сороратный брак, полигамия, брак умыканием. Параллельно происходит насильственное внедрение модернизированных советским образом обрядов. Уже начиная с 1920-х гг. стали практиковаться «красные свадьбы». Они рассматриваются не как семейное, а как общественно-политическое событие, как повод для антирелигиозной агитации. В целом происходит упрощение и унификация обрядового оформления брака.

Вмешательство большевиков в сферу семейно-брачных отношений не ограничивалось обрядовой стороной брака и изменением его легитимности. Большевики стараются установить контроль над рождаемостью, то есть хотели поменять репродуктивное поведение женщин. Согласно нормам обычного права право собственности на фертильный потенциал жены имела семейно-родственная группа мужа. К тому же

это противоречило традиционным ценностям установкам казахов, так как многодетность была безусловным мерилем счастья и благополучия. В шкале оценивания женщин у казахов на первом месте стояли способность к деторождению и плодовитость. В большевистский проект советизации входили также новые практики материнства. Новые практики материнства поддерживались через дискурс гигиены, культурности и государственной заботы о материнстве. Согласно государственному дискурсу заботы о материнстве повсеместно стали создаваться такие учреждения, как родильные дома, ясли, дома младенцев, дома матери и ребенка.

Здесь следует отметить, что в традиционной казахской культуре беременность, материнство, роды, воспитание детей занимали весьма важное место. Как уже отмечалось, успешное материнство было самым важным критерием идеальной женщины. Много нормативных стандартов касательно поведения и отношения окружающих сопутствовали беременности в традиционной культуре казахов. Для традиционной казахской культуры характерно бережное отношение к беременным: им разрешалось не соблюдать религиозный пост (ораз), окружающие потакали их прихотям в еде (жерік), считая, что желание беременной женщины – это желание будущего ребенка. С другой стороны, беременные женщины продолжали трудиться по хозяйству, нередко выполняя тяжелую работу, которая негативно могла сказаться на беременности. Только на поздних сроках беременности, обычно за 40 дней до предполагаемых родов, женщину освобождали от домашней работы. Но все, что относилось к патологии беременных, а также болезни младенцев, рассматривалось казахами как отклонения от нормы и приписывались проискам вредоносных сверхъестественных существ: албасты, марту или жалмауыз кемпір. Детская смертность была достаточно высокой, выживали далеко не все дети. Да и сами роженицы часто умирали от неблагоприятных родов. В этом смысле государственная забота о материнстве была положительным моментом. В целом, «переопределение материнства» было направлено на установление государственного контроля над приватной сферой семьи. Для решения этой задачи стали создаваться учреждения для общественного воспитания детей. Ю. Градскова рассматривает ясли – новые учреждения по охране материнства и младенчества как агент культуры. Ясли – это было не просто место, где присматривали и кормили детей, когда женщина была на работе,

но и пространство, где женщин обучали гигиене и осуществляли общественный контроль над ней. Ясли, очевидно, должны были освободить свободное время для учебы и работы матери на производстве. Однако не менее важной представлялась задача вовлечения матери в общественную работу и воспитания ее в качестве воспитательницы своего ребенка, которая обладала бы необходимыми знаниями и умениями [1]. Воспитание детей в яслях было отступлением от традиционной казахской культуры, где семья была местом, где происходила основная социализация детей – приобщение к нормам хозяйственной и общественной жизни, основным ценностям ориентирам общества. Формы воспитания детей, привитие необходимых жизненных навыков были различными: от наблюдения и участия за повседневной жизнью семьи, трудовыми процессами до фольклора как формы передачи традиционного знания. В целом, казахи уделяли много внимания воспитанию своих детей, которое заключалось в привитии ребенку норм поведения в семье и обществе, а также знакомство с основными принципами ведения хозяйства. Исследователи казахского быта XIX века отмечали, что казахи – заботливые и нежные родители, а казахские дети сильны, выносливы и проворны. Уход за ребенком в первые годы его жизни целиком лежал на матери: она кормила его, ухаживала, следила за соблюдением элементарных гигиенических норм, шила ему одежду, перевозила во время перекочевков. Большое значение в воспитании детей играло старшее поколение – бабушка (эже) и дедушка (ата) со стороны отца. Именно старики являлись хранителями традиций семьи, они старались передать их молодому поколению. Старшие женщины семьи (бабушка, пожилые родственницы, чаще – вдова умершего брата или дяди главы семьи), уже не принимавшие активного участия в хозяйственных работах, отдавали все свое свободное время подрастающим детям. В казахской традиционной культуре существовали разные системы воспитания для мальчиков и девочек. Так, воспитание девочки изначально было ориентировано на привитие ей семейных ценностей. Главной задачей матери было подготовить свою дочь к предстоящей семейной жизни. Мальчику же, как полагали родители, образование больше пригодится в будущей жизни: ведь ему предстоит стать главой своей семьи, вести хозяйство, заключать сделки, решать семейные споры. К новым практикам материнства относились также дискурсы гигиены и культурности. Большевики считали

отсталость и косность быта основной причиной как для низкой вовлеченности женщин в общественное производство, так и высокого уровня материнской и детской смертности. Центральным понятием в данном дискурсе является понятие «культурность». Известный историк социальной истории сталинизма Ш. Фицпатрик в своей книге о повседневности сталинизма выделяет «несколько уровней культуры, которые предстояло освоить людям в СССР». Так, на первый уровень ею помещается «культура личной гигиены – привычка мыться с мылом, чистить зубы и не плевать на пол – и элементарная грамотность»; на втором – «правила поведения за столом, в общественных местах, обращение с женщиной и основы коммунистической идеологии»; на третьем – культура этикета – «хорошие манеры, правильная речь, опрятная, соответствующая случаю одежда... способность разбираться в таких... предметах, как литература, музыка и балет» [5, с. 99]. Данная модель отражает большевистское понимание культурности. Большевики предполагали, что повышение общей культуры произойдет в результате посещения лекций, участия в курсах ликвидации неграмотности, клубной деятельности и делегатских собраниях. В результате женщины должны были приобщиться к новой советской ментальности и, как одно из следствий этого, изменить, практики ухода за детьми. Советы матерям чаще всего касались гигиенического ухода за собственным телом во время беременности и за ребенком и не включали рекомендации по развитию и воспитанию ребенка.

Особенно критичны были большевики к отсталым практикам материнства в национальных районах, в том числе и в Казахстане. Но дело в том, что у казахов были свои нормы культурности и гигиены, основанные на кочевых традициях и нормативной исламской культуре. Знания об этнографических чертах казахов мы черпаем из записок путешественников, участников академических экспедиций, чиновников колониального аппарата. Практически все они единодушны в том, что санитарно-гигиенические нормы у казахов были достаточно высоки. Можно оспаривать степень внедренности нормативного ислама в повседневную жизнь казахов. Но одно не подлежит сомнению – в повседневных бытовых практиках казахи руководствовались требованиями к соблюдению чистоты нормам ислама. Как писал известный тюрколог В.В. Радлов, «несомненно, именно благодаря влиянию мусульманской религии киргизам присущ большой порядок в

одежде и устройстве жилища, чистота, упорядоченные семейные отношения и более совершенные этические принципы» [6]. С ранних лет казахам прививалась мысль о том, что Создатель любит только чистых и опрятных людей. Знание правил гигиены, а также соблюдение правил личной гигиены было символом поклонения и залогом получения награды Всевышнего. С ранних лет казахи усваивали санитарные нормы исламской культуры и знали правила, как следует очищать тело, волосы, уши, нос, горло, зубы, ухаживать за бородой, ногтями в повседневной жизни и перед намазом. К обязательной гигиене относилось сбривания волос на теле, обрезание пуповины и крайней плоти, запрет содержания животных в одном помещении с людьми. К нормам исламской гигиены, которые неукоснительно соблюдались казахами, относился список скверны – плохих, негодных вещей, которые загрязняют своим прикосновением человека. К скверне относились: моча, кал, сперма, рвотные массы, кровь, мертвечина, свинина, слюна собаки, алкогольные напитки, пот верблюдов и других животных, питающихся скверной.

Таким образом, в ранний советский период большевики предприняли шаги, направленные на утверждение советского образа жизни, поведения и норм. Для этого они стали претворять в жизнь проект модернизации, в основе которого лежала борьба с обычаями и традициями, а также с ценностями и стереотипами поведения дореволюционного времени. Женские журналы играли двоякую роль. С одной стороны, они помогали адаптироваться к эмансипационным процессам и разрушению традиций. С другой стороны, они были оружием внедрения новой идеологии в массовое сознание. Мы рассматривали внедрение новой идеологии на примере разрушения традиционной системы гендерных отношений в казахском обществе через женский журнал. Большевики вторглись во все области традиционной культуры, которая регулировала гендерные отношения в казахском обществе. Так, журнал ломал стереотипный образ женщины у казахов – матери многочисленного семейства, хозяйством которого она умело управляла, показывая ее униженной, бесправной, задавленной бытом и противопоставлял ей образ новой свободной, раскрепощенной, работающей, образованной женщины. Ломая символику и обрядность брака и семьи, которая регулировалась обычным правом и нормами ислама, советская власть насильственно насаждала советские обряды, которые она использовала как повод для

пропаганды новой идеологии. Меняя репродуктивное поведение женщины, большевики старались установить свое право на контроль над фертильным потенциалом женщин. Используя дискурсы гигиены и культурности, а также дискурс государственной заботы о материнстве, советская власть внедряла коллективные идеалы новой жизни, использовала данный дискурс как приобщение матери к «советскому» взгляду на мир. Вводя новые институты социализации детей, кроме семьи, большевики преобразовали ценности и образ жизни значительной группы

населения, а не только матерей. Таким образом, успешная реализация данного проекта была обусловлена тем, что у большевиков была цельная политика социального моделирования, частью которой было формирование новой женской идентичности через женские издания. Казахские женщины приняли новую модель существования, поведенческие стратегии, иерархию ценностей, бытовые практики, которые им были навязаны. Но жизнь показывает, что большинство традиций выжили и продолжают существовать, правда в измененном виде.

Литература

- 1 Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. – М., 1999.
- 2 Шабатура, Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/obraz-novoi-zhenshchiny-v-sovetskoi-kulture-1917-1929-gg>. – Дата доступа: 20.08.2018
- 3 Стасевич И.В. Социальный статус женщин у казахов: традиции и современность. – СПб., 2011. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-038260-2/. – Дата доступа: 20.08.2015.
- 4 Тартаковская И. становление современной российской гендерной системы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genderpage.ru/?p=744/>. – Дата доступа: 20.11.2015.
- 5 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история советской России в 30-ые годы: город. – М., 2008.
- 6 Радлов В.В. Из Сибири: страницы с дневника. – М., 1989.

References

- 1 Gradszkova Yu. «Obychnaya» sovetskaya zhenshchina – obzor opisaniy identichnosti. – M., 1999.
- 2 Shabatura, E. A. Obraz «novoy zhenshchiny» v sovetskoy kulture 1917-1929 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.disscat.com/content/obraz-novoi-zhenshchiny-v-sovetskoi-kulture-1917-1929-gg>. – Data dostupa: 20.08.2018
- 3 Stasevich I.V. Sotsialnyy status zhenshin u kazahov: traditsii i sovremennost. – SPb., 2011. – Rezhim dostupa: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-038260-2/. – Data dostupa: 20.08.2015.
- 4 Tartakovskaya I. Stanovlenie sovremennoy rossiyskoy gendernoy sistemyi. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://genderpage.ru/?p=744/>. – Data dostupa: 20.11.2015.
- 5 Fitzpatrick Sh. Povsednevnyy stalinizm: sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-yie godyi: gorod. – M., 2008.
- 6 Radlov V.V. Iz Sibiri: stranitsyi s dnevnika. – M., 1989.